

Научная статья

УДК 2-472

https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_181

А. А. Ершова

Религиозное обучение в школе

*Подготовка текста к публикации, вступительная статья
и комментарии О. В. Сеницыной*

Ольга Владимировна Сеницына

Независимый исследователь, Москва, Россия, sinola8@gmail.com

АННОТАЦИЯ: Впервые публикуется статья православного педагога и общественного деятеля Александры Алексеевны Ершовой (урожд. Штевен, 1865–1933). А. А. Ершова в 1885–1895 гг. в Нижегородской губернии открыла для крестьянских детей около 50 школ грамоты, выступала с докладами по вопросам народного образования на земских съездах, состояла в переписке с известными педагогами, общественными и государственными деятелями: С. А. Рачинским, Н. Н. Неплюевым, князем Д. И. Шаховским, Л. Н. Толстым, К. П. Победоносцевым и др. Вопросы образования и воспитания волновали и интересовали А. А. Ершову и после ее замужества, когда основной заботой стали воспитание семерых детей, управление усадьбой Лебяжье в Тульской губернии, помощь супругу М. Д. Ершову, который являлся членом Государственного совета и последним дореволюционным губернатором Воронежа, в государственных делах. Статья написана в период после Февральской революции, но до октябрьского переворота, в условиях, когда действовало постановление Временного правительства «О свободе совести», дававшее возможность самостоятельного выбора своего вероисповедования. Проект всеобщего образования предусматривал передачу всех церковных школ Министерству народного просвещения и отмену обязательности преподавания

© Сеницына О. В., 2024

Закона Божьего в школах. Автор статьи поднимает вопрос о необходимости оставить религиозное обучение в школе, приводит примеры несомненно позитивного влияния религии на образование и воспитание, выступает апологетом христианской веры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозное обучение, Закон Божий, церковная школа, христианское просвещение, христианское воспитание, педагогика, А. А. Ершова

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ершова А. А. Религиозное обучение в школе / Подготовка текста к публикации, вступительная статья и комментарии О. В. Синицыной // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1 (№ 49). С. 181–203.
https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_181.

A. A. Ershova

Religious education at school

*Preparation of the text for publication, introductory article
and comments by O. V. Sinitsyna*

Olga V. Sinitsyna

Independent researcher, Moscow, Russia, sinola8@gmail.com

ABSTRACT: This is the first time that an article by the Orthodox teacher and public figure Alexandra Alekseevna Ershova (née Shteven, 1865–1933) is published. In 1885–1895 in Nizhny Novgorod province, A. A. Ershova opened about 50 literacy schools for peasant children, made reports on public education at zemstvo congresses, corresponded with famous teachers, public and government officials such as S. A. Rachinsky, N. N. Nepluyev, Prince D. I. Shakhovskiy, L. N. Tolstoy, K. P. Pobedonostsev and others. A. A. Ershova took genuine interest in the issues of school, education and upbringing even after her marriage, when her main concern was raising seven children, managing the Lebyazhye estate in Tula province, helping M. D. Ershov, her husband who was a member of the State Council and the last pre-revolutionary governor of Voronezh in state affairs. The article was written in the period after the February Revolution, but before the October coup in conditions when the Provisional Government's decree "On Freedom of Conscience" was in force, enabling people to choose their own religion. The Universal Education Project provided for the transfer of all church schools to the Ministry of Public Education and the abolition of the compulsory teaching of the Law of God in schools. The author of the article raises the issue of the need to retain religious instruction at school, gives examples of the most

beneficial effect of religion on education, and comes out as an apologist for the Christian faith.

KEYWORDS: religious instruction, Law of God, church school, Christian enlightenment, Christian education, pedagogy, A. A. Ershova

FOR CITATION: Ershova A. A. (2024). "Religious education at school. Preparation of the text for publication, introductory article and comments by O. V. Sinitsyna". *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, v. 16, iss. 1, n. 49, pp. 181–203. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_181.

В 1885–1895 гг. в Нижегородской губернии православный педагог и общественный деятель Александра Алексеевна Ершова (урожд. Штевен, 1865–1933) открыла для крестьянских детей около 50 школ грамоты. Ее школьное дело стало известно по всей России после публикации доклада «История одной школы»¹, прочитанного в Московском комитете грамотности, и книги «Записки сельской учительницы»², в которой Ершова обобщила свой педагогический опыт. В 1895 г. Ершова направила в Арзамасский училищный совет докладную записку с планом по введению всеобщего начального обучения в Арзамасском уезде³.

Характерной чертой педагогической системы А. А. Ершовой являлась опора на христианские принципы воспитания и образования⁴. Наблюдение французского ученого и писателя Жюль Легра⁵, что в более зрелых цивилизациях образование послужило только к развитию эгоизма, Александра Алексеевна объясняла тем, что школа оторвалась от религии [*Legras, 170*]. Центром педагогики Ершовой являлось нравственное христианское учение, заключенное в Евангелии. В программе ее школы были особые уроки — чтение Евангелия, на которых ученики получали нужное им духовное назидание и знакомились с первыми живыми примерами подвижничества и человеколюбия. Александра Алексеевна стремилась к тому, чтобы отношения между учителями и учениками в ее школе имели в себе качества церковного, братского

1. См. подробнее: [Штевен 1984].

2. См. подробнее: [Штевен 1895].

3. См. подробнее: [Докладная записка].

4. См. подробнее: [Синицына, 9–24].

5. Легра Жюль (1866–1939) — французский филолог, славист и германист, один из первых во Франции профессоров-русистов. В конце 1890-х годов начал серию путешествий по России. Автор около десятка работ, посвященных России и русской литературе.

родства, по примеру школ С. А. Рачинского⁶, хотя на практике не смогла воплотить свой замысел в полной мере.

Публикуемая статья была написана после Февральской революции и связана с проектом введения всеобщего образования, который предусматривал передачу всех школ Духовного ведомства православного исповедания в ведомство Министерства народного просвещения (далее — МНП), что и было осуществлено Временным правительством 20 июня 1917 г. Тогда же Государственный комитет при МНП принял Временное положение о преподавании Закона Божьего, согласно которому в частных школах было отменено его обязательное преподавание, освобождались от обязательного обучения закону веры учащиеся, которые не принадлежали ни к одному вероисповеданию или чьим религиозным воспитанием родители занимались самостоятельно, а ученики, достигшие 14-летнего возраста, имели право самостоятельно определять свое отношение к религии: могли изменить свое вероисповедное состояние и отказаться от дальнейшего изучения вероучительных дисциплин [Кравецкий, 293].

Родители, учащиеся и законоучители к решениям, касающимся отмены преподавания Закона Божьего, отнеслись отрицательно. Возникшие после Февральской революции родительские комитеты выступили в защиту этого предмета. Резолюции, защищавшие Закон Божий, были приняты на Всероссийском родительском съезде, проходившем в Москве с 7 по 10 августа 1917 г. Протестовали против отмены Закона Божьего и участники проходивших летом 1917 г. съездов духовенства и мирян [Кравецкий, 295].

Поместный собор 1917–1918 гг. вопрос о преподавании Закона Божьего признавал чрезвычайно актуальным и рассматривал его в специальном отделе, председателем которого стал архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов). Основной задачей отдела была выработка мер по защите самой возможности преподавания Закона Божьего в школах [Кравецкий, 296].

При этом проблема обучения религии в школе ставилась гораздо раньше. Обсуждение вопросов христианского просвещения русского народа можно встретить в переписке А. А. Ершовой с различными христианскими педагогами и ревнителями народ-

6. Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — российский ученый, педагог, просветитель. В своем родовом имении Татеве основал сельскую школу, в которой не только преподавал, но и жил вместе с учениками, разделяя с ними

образ жизни. Вокруг Татевской школы и по образцу ее возникла целая сеть других школ, основанных Сергеем Александровичем или при его ближайшем участии.

ного образования. С. А. Рачинский считал, что преподавание Закона Божьего является самым трудным вопросом и даже «больным местом» в школьном образовании. Большинство учителей не имеют ни должных знаний, ни нравственного авторитета для преподавания этого предмета. Рачинский полагал, что правильное решение этого вопроса в настоящее время невозможно и следует готовить условия для его решения:

Закон Божий есть не только предмет школьного учения, а прежде всего дело нравственного влияния, которое в полной мере может действовать на ребенка не в школе, а в семье. Школа может только выяснить, укрепить то, что получает ребенок от отца и матери... Мы должны почесть себя счастливыми, если нам удастся в некоторых из наших учеников заронить на всю жизнь жажду Божественной правды, христианской жизни. Только их дети будут способны воспринять вполне наше школьное преподавание Закона Божия. Быть может, даже не дети, а внуки [Рачинский, 2]⁷.

Педагог Софья Васильевна Бобровникова⁸ в 1907 г. писала о подавленности в связи с царящим равнодушием к церкви и христианству и о недостаточных мерах, принимаемых в Уфимской епархии в связи с возросшим влиянием ислама и язычества:

Среди молодежи — враждебность или равнодушие к церкви, среди большинства представителей церкви равнодушие к религии. Вы подумайте, что в Уфимской епархии и смежной с ней части Пермской сто восемьдесят тысяч язычников, что за 1907 г. было восемьсот обращений в ислам, что мусульманская пропаганда идет на всех парах, и хоть *кто-нибудь* двинулся бы. Архиерей ровно ничего не делает, все усилия моего мужа разбиваются о непроницаемую стену равнодушия. Есть отдельные светлые личности, — их гонят [Бобровникова, 3–4].

В архиве А. А. Ершовой сохранились письма князя А. Д. Оболенского⁹, который считал неудачи в деле христианского просвещения следствием не слабости школьной системы, а результатом

7. Рукописи из архива А. А. Ершовой пока не имеют архивного шифра. Здесь и далее нумерация страниц авторская или публикатора. — Прим. ред.

8. Бобровникова Софья Васильевна (урожд. Чичерина, 1867–1918) — русский педагог и публицист, супруга педагога-просветителя Н. А. Бобровникова (приемного сына выдающегося русского миссионера Н. И. Ильминского и брата жены «апостола

чуваш» И. Я. Яковлева), племянница русского правоведа Б. Н. Чичерина.

9. Князь Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933) — русский государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (1905–1906). В архиве сохранились письма А. Д. Оболенского к Ершовой с 1913 по 1917 г.

общего уровня обмирщения жизни общества. В письме от 6 октября 1915 г. он писал:

Дело не в системе образования, заключающейся в способе лучшего усвоения умственных навыков, а в отсутствии вообще христианского понимания, в нелепом преподавании Закона Божия, где этот Закон Божий является одним из предметов наравне с историей, французским языком и арифметикой. Закон Божий, если он действительно что-нибудь, должен все собой покрывать, все синтезировать, всему давать смысл и оправдание. Но это теперь сделать нельзя, не потому что такого учебника никак нельзя составить, а потому что такой учебник был бы призывом к полному перевороту в самой жизни, т. е. делом не школьного преподавания. Не потому наша жизнь языческая, что школа языческая, а потому что жизнь языческая, такая же и школа [Оболенский, 2 об.–3 об.].

Оболенский полагал, что надвигающаяся мировая катастрофа должна была бы заставить людей опомниться и осознать, что «языческие принципы жизни и выделение христианства в особую сферу от реальной политики и действительной жизни, не дадут ничего другого кроме самоистребления...» [Оболенский, 3 об.–4].

В своей статье А. А. Ершова выступает не только апологетом религиозного обучения в школе, но и защитником христианской веры в целом. Она ставит перед собой задачу обосновать, что религиозное обучение способствует достижению основных задач школы, и для этого раскрывает три основных тезиса: без религии школа не сможет удовлетворить все духовные потребности ребенка; религия — могущественный фактор воспитания; без религиозного обучения духовная цельность ребенка будет нарушена. При этом условием существования подобной школы является признание необходимости религиозного обучения родителями и учителями.

А. А. Ершова опирается не только на православный святоотеческий опыт, но и на опыт православных педагогов и русских философов, ссылается на американских и европейских психологов и педагогов конца XIX — начала XX в., приводит примеры из опыта европейских стран.

Рассматриваемые в статье вопросы актуальны и для современных православных школ. Проблемы устройства целостной христианской жизни остаются и в настоящее время, однако представляется, что для их решения только предложений А. А. Ершовой недостаточно.

Дневники А. А. Ершовой периода написания статьи — с начала Февральской революции до октябрьского переворота — не сохранились, поэтому точное время написания публикуемого текста установить пока невозможно. На обложке дневника Ершовой от 1918 г. ее почерком написано: «Промежуток от 7.I.1917 до 7.X.1918 два или три тома пропали с вещами, оставленными в Туле перед отъездом на юг, в XII 1918 г.» [Дневник. Т. 35].

Важно отметить, что в архиве есть подобная статья А. А. Ершовой «О желательной постановке православно-христианского воспитания в школе», которая была написана предположительно в 1920-е годы и частично опубликована внучкой Ершовой Н. В. Левицкой под названием «О преподавании Закона Божия в школе» в 2002 г.¹⁰

Данная статья публикуется с учетом правок автора, которые, по всей видимости, сделаны А. А. Ершовой в конце 1920-х годов в Москве: опущены абзацы, которые были взяты в скобки и перечеркнуты синим карандашом. Из ее дневников 1920–1930-х годов известно, что она просматривала свой архив и оставляла в дневниках и письмах пометки.

Документ представляет собой рукописный текст, написанный черными чернилами на тридцати шести пожелтевших листах размером 22×35,5 см формата полдесть — сложенный пополам формат десть, русский размер бумаги, применявшийся в России с XIV по XIX в. Документ сложен в четыре раза по горизонтали. Сложенные листы десть пронумерованы автором от одного до девяти.

Документ имеет название «Религиозное обучение в школе». На последней странице документа написано карандашом: «Мар<ия> Ник<олаевна> Кривоблоцкая»¹¹ и адрес: «Немецкая, Ст. Кирочная, д. 6 и номер: 5-28-40».

Документ лежал завернутый в часть страницы советской газеты. Дата газеты — предположительно конец октября 1929 г. В газете видно название статьи: «Крах на Уоллт-Стрит», произошедший на бирже США 24–29 октября 1929 г. На газете подпись черными чернилами почерком А. А. Ершовой: «Религ<иозное> обуч<ение> в школе. Кривоблоцкой». В скобках слово —

10. См. подробнее: [Штевен 2002].

11. М. Н. Кривоблоцкая — член Отдела помощи заключенным Союза православных женщин. Союз открылся 11 (24) июня 1918 г. как отдел Совета объединенных приходов, председателем которого являлся А. Д. Самарин. Работа Союза совершалась

в 7 отделах. Кривоблоцкая упоминается в «Отчете Союза православных женщин в Москве Святейшему Патриарху Тихону о деятельности Отдела помощи заключенным» от 31 апреля 1919 г. См.: [Отчет, 72–79].

«чернов<ик>» — зачеркнуто, далее в скобках слова — «оч<ень> хор<ошо>». Документ хранится в архиве КПЦ «Преображение» в фонде А. А. Ершовой.

Текст приводится в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Подчеркивания в оригинале даются курсивом.

Религиозное обучение в школе

Вопрос о том, будет ли религиозное обучение оставлено в школе или изгнано из нее, глубоко интересует меня по двум причинам: во-первых, потому что я верующий человек и, как таковой, желаю, чтобы блага, доставляемые верой, распространялись на наибольшее число людей; во-вторых, потому, что вся моя деятельность прошла в школе, интересы детей мне близки и дороги. Разъединение этих двух областей — религии и школы — для меня лично немыслимо, но и помимо личного настроения я нахожу много логических оснований, чтобы считать его нежелательным, прямо вредным для детей. От разрыва пострадают обе стороны: религия получит неправильное развитие в детской душе и принуждена будет идти окольными путями; школа потеряет свою цельность и лишится одного из важнейших образовательных и воспитательных средств. Несомненно, что школа нуждается в реформе, и для реформы наступил благоприятный момент. Но если мы в пылу освободительной горячки начнем выбрасывать из школы все то, что нам покажется лишним, мы можем повредить ей больше, чем вредили недавние руководители ее, которых мы называли гасителями просвещения. Вместе с сором мы можем выбросить и настоящие культурные ценности только потому, что нам навязывали их сверху. Осмотрительность нужна еще и потому, что к такому важному вопросу как отделение религиозного обучения от школы мы мало подготовлены. Правда, не мы первые решаем этот вопрос, перед нами опыт других государств, но нельзя ему следовать с закрытыми глазами, надо разобрать его критически и на это употребить труд и время.

Обсудим же вопрос по существу: нужно ли религиозное обучение в школе или нет. Всего целесообразнее будет взять исходным пунктом основные задачи школы: если религиозное обучение способствует достижению их, оно нужно; если нет, то не нужно.

Оговорюсь, что под религиозным обучением я разумею не одно только воздействие на интеллект ребенка, но и на чувство и волю его; другими словами, не отделяю религиозного обучения от религиозного воспитания.

Первый мой тезис таков:

1. *Школа имеет целью открыть ребенку доступ ко всем духовным благам, существующим в жизни, и удовлетворить все его духовные потребности. Без религии эта полнота не будет достигнута.*

Религия имеет высшую духовную ценность, с которой никакая другая не может сравняться. Религиозный человек, кроме внешнего опыта, составляющего основу научного знания, обладает еще внутренним религиозным опытом, который, по свидетельству всех искренно верующих людей, делает их счастливыми, спокойными и сильными. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки любые жития святых, любую книгу религиозного содержания или побеседовать с каким-нибудь благочестивым старцем. Откуда бралась у мучеников сила переносить мучения? Они были счастливы в самих муках, страдая радовались, ибо чем сильнее была физическая боль, тем интенсивнее ощущение Божественной помощи, Божественной близости. «Нас огорчают, а мы всегда радуемся, — говорит апостол Павел, — мы ничего не имеем, но всем обладаем». Неверующий человек этих переживаний не знает, в его духовной жизни чего-то очень большого и значительного не хватает. Он беден и нищ в сравнении с религиозным человеком. Чего же хочет школа для своих питомцев и родители для своих детей, чтобы они были богаты или бедны духовно? Имеет ли школа право закрывать детям доступ к счастью?

Мне скажут, что религиозные переживания не достигаются религиозным обучением, это две разные вещи. Однако Серафим Саровский не расставался с Евангелием, которое всегда носил на спине в холщовой сумке; он ежедневно прочитывал по нескольку зачал из Евангелия и Апостола и объяснял их себе. Он учился. Епископ Феофан, удалившись в затвор, в течение нескольких лет предавался чтению духовных книг, размышлению и молитве. В результате он приобрел такую духовную мудрость, что был руководителем многих лиц, глубоко уважавших его; корреспонденция его достигала громадных размеров. Очевидно, религиозному обучению все эти люди придавали большое значение: *ум свой они питали религиозными предметами, чтобы укрепить волю и озарить сердце*. Всякое дело требует соответствующих наставлений и упражнений, также и вера. *Кто хочет быть религиозным, должен обучаться религии*.

На западе в последнее время особый интерес к религии проявляли психологи. В американских университетах и некоторых европейских, напр<имер> Женевском, читались особые курсы по психологии религиозного сознания. Психологи рассматривают религиозные переживания как известного рода психические явления, подлежащие такому же научному исследованию, как всякие другие. Они относятся к сообщаемым им фактам религиозной жизни с доверием, не приписывают их ни сознательному обману, ни самообману, ни безумию, как это делали еще недавно рационалисты. Люди науки должны быть беспристрастны. О религиозном сознании существует в настоящее время много ученых сочинений, одно из них, принадлежащее американскому философу и психологу Джемсу, переведено на русский язык под заглавием «Многообразие религиозного опыта» [1].

В этой книге собран громадный материал, касающийся религиозного опыта, протестантского и католического. Общее впечатление от книги можно формулировать следующими словами: *как счастливы верующие, как полна их жизнь, какого высокого совершенства они достигают благодаря тому, что они входят в непосредственное общение с Богом!* Джемс, будучи сам человеком неверующим, в чем он с грустью сознается в конце книги, приходит к выводу, что «рай внутреннего спокойствия является обычным результатом веры». В области нравственной «религия делает для человека легким и радостным то, что при других обстоятельствах для него является игом суровой необходимости».

Главные признаки святости, представляющей плод религиозного состояния, по мнению Джемса, следующие: 1) *ощущение более широкой жизни, чем себя-любивая, полная мелких интересов жизнь земных существ*, и убеждение в существовании Верховной Силы, полученное непосредственно; 2) *чувство интимной связи между Верховной Силой и нашей жизнью и добровольное подчинение этой Силе*; 3) *безграничный подъем и ощущение свободы*; 4) перемещение центра эмоциональной жизни к чувствам, исполненным любви и гармонии. Каждый из этих признаков, взятый в отдельности, представляет высокую ценность, тем более их совокупность. Тут мы видим осуществление той полноты духовной жизни, к которой стремится современная школа.

Но тот же Джемс констатирует факт, на котором долго и подробно останавливаются христианские писатели, *особенно мистики*, что святость и блаженство даром не даются. Они являются плодом упорных усилий, духовного подвига, внутренней борьбы. Кроме неустанного движения вперед, обязательного для всякого верующего, бывают в жизни многих христиан, чаще всего молодежи, бури, которые как бы выворачивают душу наизнанку. Человек терзается сомнениями, теряет веру и с нею почву под ногами, впадает в уныние, потом в отчаяние, становится близок к самоубийству. В конце концов, он или, подавленный этими водоворотами, порывает с религией и отказывается от ее благ, или выходит из борьбы победителем, умиротворенный, окрыленный и более, чем когда-либо, веривший Богу.

И к неустанному труду на религиозном пути, и к буре сомнений, которая может постичь юношу, надо подготовить его, снабдить в детстве запасом религиозных впечатлений, которые послужат ему якорем в трудную минуту; надо укрепить его религиозное мировоззрение, чтобы он не только бессознательно, как это свойственно ребяческому возрасту, жил в Боге, но и сознательно оценил то счастье, которое доставляет близость к Богу. Надо научить его молиться и поддерживать в нем молитвенный дух, надо ассоциировать религиозные впечатления с эстетическими, для этого ввести его в понимание церковного пения, церковной архитектуры, религиозной живописи, богослужения. Надо возбудить в нем стремление к святости рассказами о великих ветхозаветных праведниках, об апостолах, мучениках и подвижниках, сроднить его воображение с этими героями веры и заразить их высоким настроением. Но прежде всего возбудить любовь ко Христу,

чтобы при одном звуке Его имени, при одном воспоминании о Нем содрогалось сердце от любви, и являлось желание Ему подражать.

Не будем говорить о том, как всего этого достигнуть, это завело бы нас далеко. Приемы религиозного обучения должны усовершенствоваться и, конечно, усовершенствуются под влиянием общего сдвига, переживаемого нами, лишь бы необходимость религиозного обучения была признана родителями и учителями. Не препятствуйте детям приходить ко Христу, Он их любит и зовет к Себе, а вы, отрицая религиозное обучение, или недостаточно любите их, или не цените Его общество. По своей невинности, свежести, доверчивости, открытости на все доброе дети естественным образом тянутся ко Христу, Он им близок по духу. Неужели вы хотите добиться того, чтобы они отвернулись от Него. А это может случиться, в конце концов... Амос Коменский, родоначальник нашей педагогики, говорит: «Откладывая вкушение благочестия опасно, потому что, если не напитать нежного ума ребенка любовью к Богу, то легко, под влиянием жизни, проведенной известное время без внимания к Божеству, закрадывается скрытое неуважение к Божеству и отчуждение от Него» [2]. Желательно ли это, когда цель школы в том и состоит, чтобы научить ребенка ценить все доброе и прекрасное. «Святая — святым». *Дети лучше, святее нас, так и пищу надо давать святую.*

Может быть, мне возразят, что, хоть они и чище, и святее нас, но религиозный опыт в том виде, как его понимает духовная литература, им недоступен; он слишком сложен для них: они невинны, как природа, и бессознательны, как она. Но, во-первых, они пробуждаются к сознательной жизни, в этом состоит их развитие, во-вторых, главный признак религиозного опыта в том, что он есть нечто непосредственно данное, иррациональное, идущее из глубины нашей подсознательной жизни. Это дар Божий. Сознательно только наше отношение к нему, наше восприятие. Мы реагируем на него со всей сложностью нашей эмоциональной жизни, накопленных знаний и привычек, сам же опыт первичен и прост, как всякое ощущение. Поэтому он вполне доступен детям, иначе Христос не сказал бы апостолам «будьте как дети», и не утверждал бы, что детям принадлежит Царство Небесное. Наша сложность мешает нам, мы должны преодолеть ее, чтобы ощутить Бога в душе.

Вообще мы так много обязаны христианству, так неразрывно с ним связаны, что не можем обойтись без специального его изучения. Немецкий педагог Паульсен [3] подробно обсуждал вопрос, нужны ли уроки Закона Божьего в средней школе и пришел вот к какому выводу: «Можно лично занимать по отношению к христианству какую угодно позицию, но невозможно сомневаться в том, что религия составляла важную, может быть самую важную часть прошлого христианской жизни человечества, и что, сколько бы ее ни провозглашали умершей, она составляет очень существенный элемент нашей духовной жизни и по сей день. В истории нет страницы, которая не была бы отмечена ее печатью. Христианством, т. е. христианской верой и христианским жизненным идеалом насквозь

проникнуты все жизненные проявления западного мира; в искусстве и поэзии, в архитектуре и в музыке, в философии и в науке — всюду мы встречаемся с христианством как некой вездесущей стихией. Еще и сейчас никто не может пройти мимо него, не становясь к нему в определенное отношение, положительное или отрицательное, и ведь вражда к нему тоже своего рода признак его значения. Точно также и политическая история европейских народов на всем своем протяжении теснейшим образом переплетается с религиозной... А потому, если задача школы знакомить с той средой, в которой ученику со временем придется действовать, то нет никакого сомнения, что школа и не в состоянии, и не вправе уклониться от сообщения учащимся знания и понимания христианства как исторического явления. Человек, который ничего не знал бы о библейской истории и истории церкви, должен был бы себя чувствовать в истории, да и в текущей действительности, как глухой в концертном зале; ему не доставало бы ключа к пониманию очень многого во взаимных отношениях людей, в их чувствах и их делах. Школа не может поэтому не говорить о всех этих предметах» [4].

Да простят мне такую большую выдержку из Паульсена, но нельзя убедительнее представить универсальность христианства, чем он это сделал. Далее Паульсен говорит, что «ознакамливать с христианством не мимоходом только, как, например, на уроках истории, а дать возможно связные знания предмета, — эта задача и впредь остается одной из необходимых задач школы, будет ли относящийся сюда материал называться Законом Божьим, учением о христианстве или как-нибудь еще» [5].

Итак, игнорировать христианство невозможно. Да и за что его игнорировать? За то, что люди злоупотребляют им? Прикрываясь именем Божиим, совершают жестокости? Это крайне прискорбный факт, который не перестанут оплакивать верующие сердца, но нельзя на нем основывать отрицание христианства. Нет вещи, которой бы люди не злоупотребляли.

Религия во все времена вдохновляла поэтов, художников и музыкантов. Попробуйте выкинуть из литературы все, относящееся ко Христу, Божьей Матери, пророкам, религиозным чувствам и представлениям, — и вы ограбите ее. Мало того, религия дала лучший и богатейший вклад в литературу — Библию и цвет ее — Евангелие. Это книга книг, которая могла бы заменить собою все книги на свете. Читая ее, чувствуешь, что человек не мог этого сочинить, это Божественное писание. Как современники Христа, при ближайшем знакомстве с Ним, приходили к заключению, что это не простой человек, а Сын Божий и Царь Израилев, так и мы, читая Библию не поверхностно, а внимательно, проникновенно, должны с благоговением признать: «то Божий глас, он судит миру». Он не только судит мир, но и утверждает, и благословляет его. Чего только в Библии нет! Трогательное и страшное, простое и величественное, человеческие грехи и Божественные мысли; рядом с наивным реализмом высокий религиозный пафос; образы яркие и художественные, язык простой и сильный. Это эпопея народа, взявшего на себя

религиозную миссию, но не исполнившего ее до конца: он отверг Того, Кто осуществил в себе все религиозные чаяния мира. «Библия — мировая книга, — говорит Паульсен, — по содержанию и по форме не имеющая себе равной. Это сокровище мудрости и познания». Недаром евреи учили своих детей грамоте только для того, чтобы они могли читать книгу «Закона», как они ее называли. Они умели ценить свою святыню. Умеем ли мы ценить нашу святыню — Евангелие? Мы читаем в школе лучшие произведения наших авторов, выбирая из них все, что доступно детям, стараемся развить их вкус и ввести в художественную литературу, русскую и иностранную, — и вдруг изгоним Евангелие из школы! Это было бы вопиющей несправедливостью, преступлением против детей — скрыть от них лучшее, что есть на свете, и дать худшее, отнять божеское и дать человеческое! Поистине, не знают люди, что делают.

Хорошо, скажут мне, пусть останутся в школе библейские рассказы Ветхого и Нового заветов, церковная история, вообще весь исторический материал, но зачем нужны богослужения и катехизис? Они только тяготят детей. Правда, что эти предметы тяготят детей, но отсюда следует, что их надо преобразовать, а не изгнать из школы.

Знакомство с богослужением, не теоретическое, основанное на одной памяти, а практическое, опытное, крайне важно для развития религиозного чувства и опыта. Это убеждение проводил в своей школе С. А. Рачинский, светлый образ которого мне особенно дорог [6]; эту же мысль проводит на своих лекциях московский педагог П. П. Блонский [7], который считает, что религиозная жизнь есть не наука, а искусство. Искусство это требует упражнения в молитве, следовательно, участие в богослужении есть одно из главнейших средств религиозного восприятия.

Общение с Богом достигается молитвой и праведной жизнью, а «дома так не помолишься, как в церкви», говорят благочестивые люди, значит, надо идти в храм. Обстановка храма рассчитана на то, чтобы облегчить человеку молитвенный подвиг, помочь ему отрешиться от всякого житейского попечения, очистить поле своего сознания от всяких других впечатлений, кроме религиозных, и предаться молитве. «Церковные обряды, — говорит Ушинский, — обнимают детскую душу святым религиозным чувством, настраивают ее на возвышенный, торжественный лад» [8]. А с каким увлечением говорит Рачинский о красоте нашего богослужения, о связанных с ним искусствах церковного чтения и церковного пения.

Из этого не следует, что учащимся подобает молиться только в храме, — нет, и школа должна быть местом молитвы. Кто знает, может быть, совместными творческими усилиями детей и законоучителей выработается со временем новая форма богослужения — школьного. Такой формы у нас не было до сих пор, как нет и молитв, предназначенных для маленьких детей. Нынешнее богослужение есть *сокровище, скопленное в течение веков коллективным трудом верующих*; они несли

в церковь плоды своего религиозного и поэтического вдохновения, а великие строители, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, создали из этого материала архитектурное целое.

Таким образом, я прихожу к двум выводам: во-первых, православное богослужение имеет высокую ценность как по глубине содержания, так и по красоте формы; во-вторых, изучать его надо практически, не год и не два, а в продолжение всего школьного курса, так как молитву и посещение храма нельзя ограничить тем или иным периодом. Школьные беседы, посвященные богослужению, должны также вестись в продолжение всего курса и раскрывать детям постепенно, не насилая их памяти, сокровища церкви.

Перехожу к катехизису. Его место в старших классах гимназии, когда у юношества является потребность систематизировать свои знания, подвести им итог. Та же потребность явилась и в исторической церкви, в момент наступления ее зрелости, когда начались споры о вере, лжеучения с одной стороны и опровержения их с другой. В виду того, что развитие вероучения есть исторический факт, вызванный естественным ходом развития религиозной мысли, изучать его следует в связи с церковной историей. Такое изучение и интересно, и поучительно. Нечего прибавлять, что оно вовсе не нуждается в вопросно-ответной форме и обилии текстов.

Остальная часть катехизиса: учение о надежде и любви, представляет не что иное как курс христианской морали, который также должен быть отнесен к старшему возрасту. Учащиеся могли бы под руководством законоучителя сами собрать для него материал, минуя всякий учебник. Чем больше они вложат самостоятельности в эту работу, тем глубже проникнутся духом христианской морали и горячее примутся за осуществление ее в жизни. Когда, как не в юности, мечтают люди о высоких идеалах, добродетельной жизни, о подвигах любви и самоотвержения. Чтобы не заглохли эти благие порывы, нужно указать им соответствующий исход в жизни.

Вопрос о морали приводит нас ко второму тезису:

2. Религия есть могущественный фактор воспитания; поэтому школа, преследующая воспитательные цели, должна действовать в союзе с ней.

Главная сила религии в области морали состоит в том, что она основывает свои предписания не на разуме, а на чувстве любви к Богу. По мнению Песталоцци «религия есть не что иное как стремление духа сдерживать нашу плоть и кровь посредством любви к Виновнику нашего бытия» [9]. Это слишком узкое определение религии, но оно верно передает ее отношение к нравственности. Каким путем сдерживает христианин дурные порывы? Не рассуждение останавливает его, а привязанность к Виновнику бытия, боязнь огорчить Его. Нельзя придумать для нравственной деятельности лучшего стимула, чем любовь; в этом убеждает нас пример матерей, которые готовы на все из любви к своим детям. Вот как вос-

певаает апостол Павел в посланиях Коринфянам подвиги любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, не превозносится, не сердится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... Она все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [10]. Для нее нет ничего невозможного.

Кроме волевого стимула, нравственность нуждается еще в твердой опоре, которая смогла бы оправдать собой самое существование ее. Эту опору дает ей религия. «Верить в Бога, — говорит Влад<имир> Соловьев, — значит признавать, что то добро, о котором свидетельствует наша совесть, которого мы ищем в нашей жизни, но которого не находим, — что это добро все-таки *есть*, что оно существует помимо нашей природы и разума, что оно есть нечто само по себе. Без этой веры нам пришлось бы допустить, что добро есть только обманчивое ощущение или произвольный вымысел, т. е. что его в сущности нет совсем» [11]. Как часто приходят к этому последнему выводу люди, потерявшие веру в Бога! Вместе с Богом рушится для них все здание нравственности, они приходят к печальной мысли, что все позволено и осуществляют эту мысль на деле.

Ошибкой было бы думать, что дети не интересуются основой нравственных предписаний, которые им подчас тяжело исполнять. «Ради чего нам стеснять себя?», — спрашивают они, особенно в переходном возрасте, когда свобода так заманчива. Стоическая основа нравственности не может удовлетворить их по своей холодной рассудочности; утилитарная — недостаточно устойчива и легко может быть перетолкована в эгоистическую сторону; социалистическая — доказала в последнее время свою несостоятельность.

Когда лозунгом была объявлена борьба за классовые интересы, эгоизм разнуждался и взял верх над лучшими проявлениями человеческого духа. Из-за чего жертвовать жизнью на войне? Все хотят жить и наслаждаться жизнью в ущерб другим. *Если мы еще не совсем потеряли совесть и способность к самопожертвованию, то это наследие христианства*, которое не так легко растратить. Христианство уже 1000 лет воспитывает нас и успело войти в нашу плоть и кровь.

Мы — христиане даже тогда, когда не хотим сознаваться в этом. Но детей не надо обманывать, надо прямо вести их к источнику нравственных идеалов — к Евангелию.

Во Франции вместо религии введено в школах преподавание морали и вместо Евангелия — учебник морали [12]. Один такой учебник был у меня в руках несколько лет тому назад. Какое убожество, какая скука! Нравственные предписания подтверждаются рассуждениями и иллюстрируются нравоучительными рассказами, по рассказу на каждое предписание. И это предлагают детям взамен Евангелия! Очевидно, мне попался плохой учебник; теперь, наверное, существует лучший, — я представляю его себе в виде хрестоматии с живыми и талантливыми рассказами на моральные темы. Но и эта хрестоматия проживет недолго, во всяком случае не 1900 лет. Если даже каждый рассказ в ней талантлив. Что сомнительно в виду явной тенденциозности книги, то соединение их в один сбор-

ник не может не производить неблагоприятного впечатления. В такой книге нет цельности, потому что авторы рассказов разные, и взгляды у них разные, и язык разный, а главное — нет единого живого образа, который поглотил бы внимание детей и стал предметом их горячей любви. Все это будут разрозненные черты нравственности, а не само олицетворенное добро. Чего не хватает хрестоматии, то все есть в Евангелии.

Есть и цельность, и единство, *есть Тот, Кого нельзя не любить всей душой*. Пусть дети походят вслед за Ним по Палестине, послушают Его проповедь, посмотрят, как Он исцеляет больных и прощает грешников, благословляет детей и привлекает сердца взрослых, укрощает бурю и насыщает голодных, а о Себе не заботится, обличает лицемерие и жестокость, терпит несправедливые нападки, идет добровольно на смерть, умирает и воскресает. Каждая Его притча есть художественное целое, но гораздо выше талант Его любви, Его умение обращаться с людьми и делать им добро. Он знает, кому нужна строгость и в каком виде: суровая ли отповедь или взгляд укоризны; знает, кому сказать слово одобрения, в ком пробудить религиозное сознание, кому полезно общение с людьми, кому уединение. Он не ждет, чтобы Его просили о помощи, Сам идет навстречу людским немощам и страданиям. Он всегда верен Себе, и смерть Его соответствует жизни, которая есть сплошной подвиг любви. Где же еще нашим детям и нам самим учиться нравственности, как не у Его ног?

В виду того, что христианские идеи давно разлиты в мире, казалось бы, что все существующие системы морали, различаясь в основе, не должны различаться по содержанию; все, как и христианство, должны требовать любви к ближнему и добродетельной жизни. Но на деле это не так. Оттого ли, что заповедь любви к ближнему в нехристианских теориях отделилась от заповеди любви к Богу и потеряла через это свой высокий смысл, но факт тот, что вне христианства нравственный идеал имеет удивительную склонность спускаться все ниже и ниже. Вместо требования святой и непорочной жизни ставятся требования более реальные и более осуществимые, но в то же время не способные воодушевить человека на подвиг, зажечь в нем энтузиазм самоотвержения. Одни признают идеалом своим многогранную личность, другие — приспособленность к окружающей среде, третьи — умение с наименьшей затратой сил достигнуть наибольших результатов и т. д. Все это с целью служить ближнему, но о ближнем упоминается глухо, о нем легко забывают, и все эти упрощенные идеалы обращаются на служение эгоизму. Стремясь к многогранности, человек не брезгует развратом; приспособленность к среде дает ему возможность эксплуатировать эту среду; хорошая техническая подготовка создает условия для личного успеха. Нравственность остается ни при чем. Такие печальные результаты убеждают нас, что идеалы достигаемые, реальные никуда не годятся. Нет, идеалы должны быть высоко, и чем выше, тем лучше. Недостигаемость идеала служит залогом его воспитательного влияния на людей. Осуществление такого идеала есть задача целой жизни.

Итак, христианский идеал выше всякого другого, и в этом его педагогическое преимущество. Его содержание — богочеловечество, его сила в том, что богочеловечество было осуществлено во Христе, его высшее требование — самопожертвование. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Церковь не перестает твердить нам о необходимости жертвы. Не говоря о Страстной службе, в которой вспоминаются страдания Христовы, каждая обедня есть не что иное как проповедь самопожертвования, сосредоточенная в словах: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое». Кто сам себя отдал в жертву, Тот имеет право требовать и от нас того же. Праведная жизнь и немислима в этом мире без непрерывных жертв для одной великой жертвы.

Третий мой тезис таков:

3. *Образование, даваемое школой, должно быть гармонично и цельно. Если религиозное обучение будет выделено из школы, духовная цельность ребенка будет нарушена. Это ясно как день. Школа, изгнавшая религиозное обучение из своей среды, атеистична, она отрицает Бога. «Кто не со Мною, тот против Меня», — сказал Христос. Это изречение имеет прямое приложение к данному случаю, потому что изгнание религии из школы есть враждебный по отношению к ней акт. Представьте же себе ребенка, который, посещая школу, целую неделю не слышит ни слова о Боге или слышит отрицание Его, а в воскресенье идет на урок Закона Божьего и слышит от законоучителя совершенно противоположное. Какой сумбур должен получиться в его голове, какой разлад в душе! И этот разлад точно нарочно создают родители и учителя, стремящиеся, по их словам, к гармоническому развитию детей. Можно подумать, что им досадно на тот душевный мир, который царит в душе ребенка. Мы не отрицаем, что в юношеском возрасте наступает период сомнений, но, во-первых, это необязательно, а во-вторых, грешно вызывать искусственно подобный кризис, наталкивая детей на сомнения. В школе должна быть атмосфера не борьбы и сомнений, а душевного здоровья и жизнерадостности; таков, по крайней мере, идеал ее.*

Отрицательное отношение к урокам Закона Божьего, может, конечно, проявиться и в том случае, когда эти уроки происходят в стенах школы, но никогда оно не выразится так резко, не достигнет такой остроты, как при разобщении светского и духовного обучения. Уже одна корректность по отношению к товарищу-законоучителю заставит учителей-атеистов воздержаться от выходок против религии, и обратно: законоучитель будет терпимее в школе, чем вне школы. Встречаясь постоянно за общими делами, делясь впечатлениями, обсуждая школьные вопросы, характеры и успехи детей, педагоги скорее столкнутся между собой, научатся понимать и уважать друг друга. Главным умиротворяющим началом послужит идеал гармоничного воспитания детей, который будет требовать единства и согласованности в деятельности педагогов одной и той же школы. Трудно ожидать, чтобы это требование гармоничности распространяло свое

действие за стены школы, поэтому выделение религиозного обучения принесет детям несомненный вред.

Вредно оно и для законоучителей. Общение со школой предохранит их от религиозной исключительности и узости, расширит их педагогический кругозор. Педагогическая подготовка наших законоучителей довольно слаба, приемы их устарели; им нужно быть в курсе современных педагогических течений, чтобы не отставать от века и не вносить диссонанс в жизнь детей. В новейшей педагогике так много свежего и хорошего, что идти с ней рука об руку можно и должно. Она — враг рационализма, любит сказку и вообще народное творчество, поощряет фантазию и не боится чудесного; она — поклонница искусства, и мы знаем, как тесно связаны между собой эстетические и религиозные впечатления; она проводит в школе трудовой принцип, требует самостоятельности и творчества, а разве можно без трудоспособности и инициативы проводить христианские идеалы в жизнь. Все это создаст благоприятную почву для совместной работы.

Итак, по моему глубокому убеждению, учитель и законоучитель могут дружно работать, и для блага детей ни школа не должна изгонять религиозного обучения, ни религиозное обучение отделяться от школы.

Но возможно еще третье решение. Может быть, не школе, а семье надо поручать религиозное обучение детей. Она его начинала, пусть продолжает и дальше. Можно заранее сказать, что из этого ровно ничего не выйдет. Если родители люди необразованные, они очень мало могут дать своим детям, да и сами не доверят себе такого ответственного дела, а поручат его священнику. Если родители люди интеллигентные и в то же время верующие, они могли бы быть полезны своим детям, но в громадном большинстве случаев не возьмут на себя этого труда: или им некогда, или не хочется, или они неопытны в деле преподавания, или недостаточно энергичны; в конце концов и они прибегнут к священнику. Опять получится внешкольное и со школой не согласованное религиозное обучение. И потянут бедного ребенка в разные стороны.

А родители неверующие оставят детей своих вовсе без религиозного обучения, пусть растут как трава в поле. То же самое произойдет в случае, если религиозное обучение в школе будет признано факультативным. Неверующие родители воспользуются необязательностью и во вред своим детям лишат их религиозного обучения. Мне кажется, что школа не может оставаться равнодушной к участи таких детей, она должна авторитетно заявить, что считает религиозное обучение необходимым для детей, и взять его в свои руки.

Недавно мне рассказывали такой случай: жила в Париже русская семья, дети ходили во французскую народную школу, где Закон Божий не преподавался. И родители были люди не религиозные. Но вот приехала из России бабушка навестить их и стала рассказывать детям о Христе. Какой невероятный успех она имела! Дети неотступно просили еще и еще рассказывать им. Мало того, узнали об этом дети из других русских семей, стали приходить и просить позволения послушать

рассказы бабушки. Таким образом, бабушка совершенно неожиданно для себя оказалась в роли миссионера среди маленьких дикарей и где же? В одном из центров цивилизации. Не ужасно ли, что такое одичание в религиозном смысле возможно в настоящее время, и неужели оно желательно для наших детей? В той жадности, с которой эти дети набросились на евангельские рассказы, чувствуется упрек родителям, что они, зная, какое сокровище существует на свете, не поделились им. Такой же упрек, только более сознательный и горький, кинут и наши дети своим родителям, когда вырастут атеистами и увидят, *какой душевной пустотой их наделило воспитание*. Многие из нас знают по опыту, как туго дети прощают родителям недостатки своего воспитания; особенно если эти недостатки суживают их духовный горизонт, мешают сходить с другими людьми и участвовать в их радостях.

Общеобразовательная школа не предпринимает участия детей, не готовит из них ни докторов, ни инженеров, не будем же готовить и атеистов, потому что не знаем, захотят ли они ими быть, а может быть предпочтут остаться верующими людьми. Давай Бог!

Комментарии

1. «Многообразие религиозного опыта» — главный труд американского психолога и философа Уильяма Джемса (1842–1910), состоящий из двадцати Гоффордских лекций по естественной теологии, прочитанных им в Эдинбургском университете в 1901–1902 гг. В России книга впервые вышла под редакцией и с предисловием С. В. Лурье в 1910 г. в Москве.

2. Коменский Я. А. Великая дидактика. Гл. 24. 10. Есть несколько дореволюционных изданий латинского перевода «Великой дидактики». Скорее всего, А. А. Ершова цитирует приведенный отрывок с небольшой литературной правкой по книге: [О цели образования, 53–54].

3. Паульсен Фридрих (1846–1908) — немецкий философ новокантианского направления, педагог, автор работ по истории философии, этике и педагогике. Профессор философии и педагогики в Берлинском университете.

4. Цитата из работы Ф. Паульсена «Исторический очерк развития образования в Германии». См.: [Паульсен, 307–308].

5. См.: [Паульсен, 308]
6. А. А. Ершова вела переписку с С. А. Рачинским в 1889–1894 гг. о различных сторонах организации школьного дела. Благодаря его поддержке, скромные начинания школы Ершовой обрели новые качества и более прочное устройство.
7. Блонский Павел Петрович (1884–1941) — русский и советский педагог и психолог. До революции читал курсы по педагогике и психологии в московских средних и высших учебных заведениях. Автор работ «О национальном воспитании» (1915), «Курс педагогики» (1916), «Как мыслить среднюю школу» (1916), «Задача и методы народной школы» (1916) и др. После революции принял активное участие в создании советской школы, сотрудничал с Н. К. Крупской. В 1919–1923 гг. ректор Академии социального воспитания. Один из основоположников советской педологии.
8. Цитата из сочинения К. Д. Ушинского «О нравственном элементе в русском воспитании». См., напр., в издании: [Ушинский, 479].
9. Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) — швейцарский педагог, одним из первых указал на значимость развивающего обучения. Ср.: [Песталоцци, 494–495].
10. 1 Кор 13:4–5. Цитируется близко к тексту.
11. Цитируется близко к тексту. См.: [Соловьев, 315].
12. Имеются в виду учебники, используемые во французских школах после окончательного отделения церкви и государства. «Закон о разделении церкви и государства» от 9 декабря 1905 г., установивший во Франции государственный секуляризм, среди прочего запрещал религиозное обучение в государственных школах для учащихся в возрасте от шести до тринадцати лет (Раздел 5, ст. 30). В предисловии к элементарному учебнику морали сказано: «Так как в настоящее время государство отделено от церкви и мысли дана полная свобода, то общественные воспитатели, по-видимому, предоставляют семье заботу о моральном воспитании, а семья, если она религиозна, продолжает по-прежнему верить наставление в морали священникам, если же она равнодуш-

на религии, то нисколько не интересуется этим наставлением. <...> В видах общей пользы необходимо, чтобы мораль утвердила в народе одинаковый общий фонд идей, которые бы дали несокрушимую силу принципам справедливости, терпимости и мира, выражением которых служит республиканское правление». См.: [Вейсман, 37].

Архивные источники

1. *Докладная записка* = Докладная записка А. А. Штевен в Арзамасский училищный совет // Государственный архив Нижегородской области. №2, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1. Д. 223. Л. 97.
2. *Дневник. Т. 35* = Дневник А. А. Ершовой серия II. Т. 35 (27 сентября 1918 — 25 декабря 1918 гг.) // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой. 79 с.
3. *Бобровникова* = Бобровникова С. В. Письмо А. А. Ершовой № 2 от 2 апреля 1908 г. // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой. 8 с.
4. *Оболенский* = Оболенский А. Д. Письмо А. А. Ершовой № 10 от 6 октября 1915 г. // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой. 6 с.
5. *Рачинский* = Рачинский С. А. Письмо А. А. Штевен № 1 от 30 августа 1889 г. // Архив КПЦ «Преображение». Фонд А. А. Ершовой. 3 с.

Опубликованные источники

1. *Отчет* = Отчет Союза православных женщин в Москве Святейшему Патриарху Тихону о деятельности Отдела помощи заключенным // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 3 (40). С. 76–78.
2. *Штевен 1984* = Штевен А. А. История одной школы. Санкт-Петербург : С.-Петербург. синод. тип., 1984. 30 с.
3. *Штевен 1895* = Штевен А. А. Из записок сельской учительницы. Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 168 с.
4. *Штевен 2002* = Штевен А. А. О преподавании Закона Божия в школе / Публикация Н. Левицкой // Воскресная школа. 2002. № 20. С. 12–14.

Литература

1. *Вейсман* = Вейсман А. Д. О французских учебниках морали, долженствующих заменить собою Закон Божий // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 29, сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург : Тип. Сенатского, 1910. С. 37–44.

- Weisman A. D. (1910). "On French moral textbooks, which should replace the Law of God", in *Journal of the Ministry of Public Education. New series*, v. 29, September-October. St. Petersburg : Printing House of the Senate, pp. 37–44 (in Russian).
2. *Кравецкий* = Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). Москва : Духовная библиотека, 2012. 712 с.
Kravetsky A. G. (2012). Church mission in the era of change (between preaching and dialogue). Moscow : Spiritual Library (in Russian).
3. *Паульсен* = Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии / Пер. под ред. Н. В. Сперанского. Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. XXIV, 333, [2] с.
Paulsen F. (1908). A historical sketch of the development of education in Germany. Moscow : Printing house of the I. D. Sytina (in Russian).
4. *Песталоцци* = Песталоцци И. Г. Лебединая песнь Песталоцци // Педагогическая библиотека, издаваемая К. Тихомировым, А. Адольфом. Вып. 5 : Избранные педагогические сочинения Генриха Песталоцци. Т. 3 : Мелкие сочинения. Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1896. 586 с.
Pestalozzi I. G. (1896). "The Swan song", in *Pedagogical Library*, published by K. Tikhomirov, A. Adolf, part 5 : Selected pedagogical works by Heinrich Pestalozzi, v. 3 : Minor works. Moscow : Printing House of A. I. Snegireva (in Russian).
5. *Синицына* = Синицына О. В. История и православно-христианские основания педагогической деятельности А. А. Штевен-Ершовой (1885–1895 годы) // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2016. Вып. 17. С. 9–24.
Sinityna O. V. (2016). "History and Christian Orthodox Bases in A. A. Shteven-Ershova's Educational Activity (1885–1895)". *The Light of Christ Enlightens All: Academic Peer-reviewed Journal of Saint Philaret's Institute*, iss. 17, pp. 9–24 (in Russian).
6. *Соловьев* = Соловьев В. С. Духовные основы жизни (1882–1884) // Он же. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова : В 10 т. 2-е изд. Т. 3. Санкт-Петербург : Просвещение, 1912. С. 301–421.
Solovyov V. S. (1912). "Spiritual foundations of life (1882–1884)", in S. M. Solovyov, E. L. Radlov (eds.). *Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov* : In 10 v., v. 3, 2nd ed. St. Petersburg : Education Publ., pp. 301–421.
7. *Ушинский* = Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Он же. Собрание сочинений : В 11 т. Т. 2 : Педагогические статьи, 1857–1861 гг. Москва; Ленинград : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948. С. 425–488.

Ushinsky K. D. (1948). "On the missing element in Russian reproduction", in Idem. *The collection of the essay* : In 11 v., v. 2 : Pedagogical statuses, 1857–1861. Moscow; Leningrad : Publishing House of the Academic Sciences of the RSFSR, pp. 425–488 (in Russian).

8. *О цели образования* = О цели образования: Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, В. И. Несмелов, Амос Коменский, К. А. Ушинский. Вышний Волочек : Тип. Соколовой, 1905. 85 с.

About the purpose of education : N. I. Pirogov, L. N. Tolstoy, V. I. Nesmelov, Amos Komensky, K. A. Ushinsky. Vyshny Volochek : Publishing House of Sokolova, 1905 (in Russian).

9. *Legras* = Legras J. (1895). Au pays russe. Paris : Armand Colin.

Информация об авторе

О. В. Синицина, независимый исследователь.

Information about the author

O. V. Sinitsyna, Independent researcher.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 11.01.2024.